

УДК 94(47)''1825'':323.269.6(045)

*М.С. Белоусов, Т.В. Лебенкова***СТРАХ И НЕНАВИСТЬ В ВАСИЛЬКОВЕ: ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ¹**

В предлагаемой статье рассматривается сюжет о восстании Черниговского полка через призму истории эмоций. Авторы показывают, как С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин попытались воздействовать на чувства и переживания солдат, облачив революционную программу и призыв к бунту в форму традиционного религиозного документа, участь озвучить который выпала на долю полкового священника Д. Ф. Кейзера. Впоследствии, рассказывая об этом мимолетном участии в мятеже, он представил членам Святейшего синода апокалиптическую картину охвативших его переживаний. В этой системе страхов можно выделить три основные эмоциональные плоскости. Первая – это боязнь репрессий со стороны законной власти после прочтения антиправительственного катехизиса; вторая – беспокойство в связи с гипотетически возможным наказанием со стороны бунтовщиков за отказ от повиновения; и третья – беспокойство за будущее родных и близких. Эмоциональный контекст восприятия солдатами выступления Д. Ф. Кейзера с одной стороны, и реакция на произошедшее самого священнослужителя, с другой, представляют интересный кейс, связанный с проблемой роли и значения православия в реалиях глухой российской провинции.

Ключевые слова: восстание Черниговского полка, движение декабристов, междуцарствие, Д. Ф. Кейзер, М. П. Бестужев-Рюмин, С. И. Муравьев-Апостол, православный катехизис.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1168-1179

В конце декабря 1825 г. в Киевской губернии произошло восстание Черниговского полка. Лидерами восстания оказались М. П. Бестужев-Рюмин и С. И. Муравьев-Апостол. Для привлечения солдат на сторону инсургентов они подготовили «православный катехизис», в котором в форме вопросов и ответов разъяснялся смысл происходящего. То есть катехизис представлял собой документ политической направленности в виде понятного и привычного для солдат религиозного нарратива. В кульминационный момент восстания его текст был оглашен полковым священником Д. Ф. Кейзером. Это произошло 31 декабря на площади г. Василькова. И, несмотря на всю эфемерность произошедшего события, особенно в контексте восстания в целом, власти сосредоточили на этом эпизоде пристальное внимание в период следствия. Это повлекло за собой серьезные, даже роковые последствия для священнослужителя.

«Историография декабризма возникла сейчас же после того, как прогремели пушки на Сенатской площади» [16, с. 6], – писала М. В. Нечкина. Тем не менее в XIX в. историки гораздо большее внимание фокусировали на петербургских событиях, оставляя «южный бунт» на периферии своих интересов. Источниковая база не позволяла исследователям в должной мере реконструировать ход военных выступлений и подталкивала сосредоточиться преимущественно на идеологических аспектах. Сюжет об авторстве «православного катехизиса», его основных идеях – и сформулированных напрямую, и скрытых между строк, о ключевых источниках представлялся малозначительным и не мог быть разработан в должной мере. После революции 1905–1907 гг. эвристические условия работы кардинальным образом изменились. Широкий доступ к материалам следствия позволил обратиться к новым аспектам истории движения декабристов.

В 1908 г. появилась работа П. Е. Щеголева, в которой подробно анализировались процесс создания «православного катехизиса», происхождение идей документа, его содержание, смысловая нагрузка и релевантность в событиях 1825 г. [30]. Историк заметил, что С. И. Муравьев-Апостол с самого начала не верил в успех восстания. Поэтому он привлекал все имеющиеся возможности, которые могли бы обеспечить выступлению более прочную опору. П. Е. Щеголев отмечал, что катехизис не получил широкого распространения и был мало знаком кому-то, кроме солдат Черниговского полка. Исследователь значительное внимание уделил фигуре Д. Ф. Кейзера, степени его участия в выступлении и последовавшему наказанию. Он выяснил имя священника, т. к. на страницах предыду-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 21-78-10052 «От Кадисской конституции к Петербургскому восстанию: трансфер дискурсов, идей, эмоций в эпоху бидермайера».

щих работ церковнослужитель присутствовал обезличено. Кроме того, П. Е. Щеголев, хоть и проигнорировал его политические взгляды, но отметил, что наказание Д. Ф. Кейзера было в какой-то мере даже более суровым, чем бунтовщиков.

В 1920–1930-е гг. историки, рассматривая движение декабристов, невольно прибегали к аллюзиям на большевистско-меньшевистское начало в их деятельности. М. Н. Покровский назвал восстание на Сенатской площади «не-революционной революцией» [17, с. 51]. При этом черниговцы, напротив, могли претендовать на именование истинными революционерами, т. к. выступили против превосходившей их по численности армии. М. В. Нечкина [15] настоящими мятежниками называла представителей общества Соединенных славян. Именно им приписывалась определяющая роль в проведении восстания, решении о начале и дальнейшем развертывании действий, что представляется несколько односторонним взглядом. В. М. Базилевич отмечал, что термин «декабристы» на уровне вторичной сигнальной системы ассоциировался с Петербургом, в то время как выступление в Киевской губернии было несправедливо отодвинуто на второй план [1]. При этом из персонажей череды европейских революций 1820-х гг. под пером историков протагонистами стали пламенные революционеры: полковник Р. Риго, Г. Пепе, А. Ипсиланти и С. И. Муравьев-Апостол. Скромный священник, содрогавшийся от одной мысли о восстании, никак не мог претендовать на место в этом пантеоне и на роль ключевого персонажа в работах советских исследователей.

Историки многократно подчеркивали интерес декабристов к тактике, выбранной полковником Р. Риго. Однако не только восстание на Сенатской площади связано с Пиренейским полуостровом. Н. В. Минаева проанализировала влияние Кадисской конституции 1812 г. на идейные искания участников Южного общества. Она отмечала: «Сергей Иванович за месяц до восстания Черниговского полка принял решение прочитать перед солдатами агитационный документ. Поиски формы агитационного призыва привели Муравьева к катехизису» [13, с. 73]. Н. В. Минаева обратила внимание на доминирование идеи о решительной военной революции. О. И. Киянская посвятила монографию истории восстания Черниговского полка [10], уделив внимание и анализу «православного катехизиса». Автор утверждала, что в качестве основного источника документа выступали библейские тексты, трактуемые в весьма свободной форме. Лидерам восстания удалось завуалировать с помощью религиозной оболочки политическое содержание о естественных правах. Главной задачей катехизиса было «сломать укоренившуюся в солдатском сознании устойчивую вертикаль Бог – царь – офицер, убрать из нее второй элемент» [Там же, с. 70]. Исключение царя из этой ценностной структуры открывало возможность, с одной стороны, подчинить себе солдат, сохраняя принцип их послушания офицерам, с другой – осуществить восстание в пользу конституционных принципов.

Во второй половине 2000-х гг. появились работы, посвященные исключительно религиозному аспекту в восстании Черниговского полка. И. В. Карацуба скрупулезно реконструировала идейную предысторию возникновения катехизиса С. И. Муравьева-Апостола [9]. Среди источников «православного катехизиса» автор выделила библейские тексты, испанские прообразы и даже иностранные романы. Как писала исследовательница, «в уме и душе Сергея Муравьева христианское сплавляется с политическим, а вера – со свободой, образуя практически впервые в русской общественной мысли социальную и политическую проекцию христианских идей» [Там же, с. 476]. Православие занимало, можно сказать, определяющее место в жизни населения. Люди испытывали трепет перед религией и всем религиозным. И поэтому революционная проповедь, облаченная в форму традиционного православного нарратива, должна была воодушевить армию на военное выступление против действующей власти, сформировав коллективное мнение.

Р. Стайтс также затрагивал этот сюжет, а именно в разрезе взаимосвязи испанских событий с восстаниями декабристов. Он показал, как опубликованный в 1824 г. роман Н.-А. Сальванди «Алонсо, или Испания» мог завладеть умами политически активного населения. В романе есть эпизод, в котором самый обычный деревенский священник вызывает эмоциональный взрыв возмущения и негодования против тирании Наполеона, читая «национальный катехизис» [35, р. 21]. Лидеры Южного общества решили перенести этот опыт на русскую почву, что подтверждают события 31 декабря в Василькове. Однако ожидания С. И. Муравьева-Апостола не оправдались. У собравшихся на площади зачитанный катехизис не вызвал никаких эмоций.

В 2016 г. в научно-популярном журнале «Родина» появилась статья Ю. Е. и А. С. Манойленко, посвященная рассматриваемой нами проблеме [12]. Примечательно, что исследование крайне лаконично и состоит всего лишь из пяти страниц, разбавленных иллюстративным материалом. Оно по-

строено исключительно на архивных источниках без привлечения какой-либо достаточной для освещения проблемы научной литературы по данному вопросу. Одним словом, авторы банально пересказали найденный архивный материал, полностью проигнорировав всю историографическую традицию и отказавшись от попыток как-то проблематизировать представленный сюжет. Источниковую базу их работы составили материалы канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода [25, ф. 797, оп. 3, д. 11041], канцелярии ведомства [20, ф. 796, оп. 107, д. 199], духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства Синода [26, ф. 806, оп. 16, д. 1003]. Это документы, содержащие информацию о ходе следствия и лишении Д. Ф. Кейзера священнического сана, повеление Николая I предать его военному суду и его формулярный список. Помимо материалов Российского государственного исторического архива (РГИА), для написания работы Ю. Е. и А. С. Манойленко привлекали дела Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Смоленской области (ГАСО). Казалось бы, какие огромные возможности для размышлений, но статья, повторимся, является простым пересказом сведений, содержащихся в источниках.

Мы для данного исследования обращаемся к первоисточникам уже обозначенных выше документов, а именно к протоколам Синода [23, ф. 796, оп. 209, д. 525; 24, ф. 796, оп. 209, д. 526]. Как бы это ни показалось странным, эти материалы ранее не использовались в контексте истории восстания Черниговского полка. Соответственно, мы имеем возможность посмотреть на старую проблему, используя и экстенсивные (дополняя новыми архивными материалами), и интенсивные (рассматривая в рамках иной методологической базы) векторы. Постараемся произвести анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов через призму методологии «истории эмоций» и концепции Б. Розенвейн [33], сформулировавшей понятие «эмоциональные сообщества», или *emotional communities*. Сущность данного термина включает в себя наличие определенного объема обрядных проявлений эмоций, характерных для конкретных социальных групп. Это объединения, в которых существуют присущие только им ценности и способы выражения чувств. Иногда один и тот же человек может принадлежать к общностям, находящимся между собой в состоянии антагонизма. Сообщества крайне редко бывают полностью обособленными, а зачастую пересекаются в важнейших точках. Более того, одни могут быть необычайно близки к другим – и в пределах своего времени, и в рамках разных эпох. У представителей сообществ формируется идентичная эмоциональная реакция в ответ на один и тот же эмоциональный триггер.

Имеющийся материал дает возможность реконструировать страхи отдельного человека и встроить индивидуальное в контекст коллективного... Итак, рассмотрим эмоциональный аспект на примере восстания Черниговского полка. 30 декабря мятежники вступили в г. Васильков, захватили полковую казну, знамя, освободили арестантов с гауптвахты, пополнили запасы оружия. С. И. Муравьев-Апостол запланировал на следующий день выход из города и продвижение к дальнейшим пунктам маршрута. Он решил собрать солдат на площади, чтобы огласить катехизис и воодушевить восставших. Он отдал приказ подготовить к восьми часам утра 12 экз. «православного катехизиса». И как показывал один из солдат: «заставил обоих нас писать какие-то православные катехизисы, диктуя попеременно с Бестужевым из какой-то бумаги, писанной, как я приметил, на иностранном диалекте» [6, с. 293]. А миссию огласить катехизис Муравьев-Апостол уготовил скромному полковому священнику Д. Ф. Кейзеру.

Подобное решение можно считать закономерным. Представители клира всегда занимали особое положение в России. Церковь осуществляла контроль над частной жизнью подданных государства. В сфере ее непрерывного влияния находились все этапы жизни: рождение, брак, смерть невозможно было себе представить без участия священства. Слова церковнослужителей были авторитетны для народа, вдохновляли солдат на совершение военных подвигов. Поэтому С. И. Муравьев-Апостол решил использовать помощь духовенства для формирования у солдат уверенности в правильности совершаемых ими действий. Но в его поведении можно увидеть и копирование испанского паттерна: марш полковника Риго по Андалусии сопровождался провозглашением манифеста или прочтением религиозного катехизиса в каждом занимаемом селении [32].

Итак, Д. Ф. Кейзер должен был стать исполнителем плана Муравьева-Апостола. Он происходил из дворян Киевской губернии. На своей малой родине он получил образование. Согласно формулярному списку церковнослужителя, развитие его духовной карьеры шло быстро и благоприятно: 26 июля 1821 г. был произведен в диаконы Николаевской церкви с. Макеевка, 22 января следующего года рукоположен в сан священника, а 22 октября 1825 г. переведен в Черниговский пехотный полк

[26, ф. 806, оп. 16, д. 1003]. Таким образом, к моменту восстания он провел совсем незначительный срок в новой должности.

Утром 31 числа лидер декабристов отправил к Д. Ф. Кейзеру офицера, который объявил приказ явиться к С. И. Муравьеву-Апостолу. И. И. Горбачевский писал в «Записках» о том, что происходило за дверьми квартиры подполковника. С. И. Муравьев-Апостол объяснил цель выступления и попросил о содействии. Он утверждал, что духовенство всегда выступало на стороне народа, в самые тяжелые годы бедствий вселяло надежду в души людей. Священник, представленный И. И. Горбачевским читателям человеком «просвещенным и благородным», охотно согласился, но сразу же заговорил о судьбе своей жены и детей: «супружеская и родительская любовь мгновенно поколебали в нем первый порыв любви к отечеству» [7, с. 250]. Он заговорил о бедности, нищете и даже позоре, которые ожидали бы его родных в случае неудачи и поражения восстания. И тогда, согласно Горбачевскому, Муравьев-Апостол вручил ему 200 руб. и попросил передать их жене священнослужителя. Уже на следствии Д. Ф. Кейзер рассказывал, что он принял деньги и отправился к экспедитору, у которого приобрел бричку. С какой целью, так и осталось неясным. Как, впрочем, и его истинные мотивы: что заставило уступить уговорам – поддержка идеалов восставших, деньги или привычка подчиняться офицерству?

В ответах на вопросные пункты Святейшего синода он ни в коей мере не отрицал факта приведенного диалога. При этом Кейзер всячески подчеркивал, что в полку он был новым лицом, и, следовательно, не знал досконально всех заведенных порядков. Более того, отмечал, что жил в крайне стесненных обстоятельствах, и даже бедности: «Муравьев ему дал оные, дабы он мог сколько ни есть исправиться с семейством и следовать в поход» [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 47об]. В литературе обозначена и другая интерпретация: деньги священнику были предоставлены в качестве платы за проведение богослужения, благословение и принятие присяги «отряда на верность конституции», т. е. в качестве стандартного вознаграждения представителя клира за осуществление религиозных «услуг» [27, с. 385].

Итак, Д. Ф. Кейзер распределил обязанности между причетниками, находящимися у него в подчинении. Д. Красков был направлен к С. И. Муравьеву-Апостолу, а его товарищу, И. Ахлестину, предстояло забрать из церкви необходимые богослужебные предметы, т. е. крест, епитрахиль и текст катехизиса. Также от него требовалось узнать, как скоро понадобится помощь священника. В показаниях присутствуют разночтения и несоответствия даже по ключевым моментам: «Напротив, Ахлестин говорит, что священник, возвратясь от экспедитора, посылал к Муравьеву не Краскова, а его» [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 42об]. После прихода унтер-офицера Г. Попова с сообщением о совершении всех приготовлений они все вместе направились к квартире подполковника. Некий офицер подошел к священнику и спросил его о готовности. Церковнослужитель подчеркнул, что имеется все необходимое для проведения богослужения, а именно: книга молебных пений и катехизис. Офицер в ответ на это заявил, что последнее не потребуется, т. к. они располагают своим катехизисом.

О дальнейших событиях Д. Ф. Кейзер писал следующее: «Муравьев, переменяв свое слово, сказал мне, что молебна служить не надобно, тогда я, усмотрев на столе несколько пистолетов заряженных, часовых в комнате и на дворе с заряженными ружьями, испугался» [6, с. 299]. Здесь отчетливо можно зафиксировать: лидер восстания нарушает первоначальную договоренность, это приводит к появлению сильного страха. Вероятнее всего, Муравьев-Апостол договорился с церковнослужителем о проведении церковного таинства за определенную плату, но не обозначил, что потребуется прочитать документ политической направленности. Это подтверждается тем, что ничего не подозревающий Д. Ф. Кейзер дал указание взять из церкви обычный катехизис, представляющий собой книгу, содержащую основные положения христианского вероучения. Вслед за этим по приказанию С. И. Муравьева-Апостола священник пошел вместе с ним к построенным ротам Черниговского полка.

Мемуары и сделанные на их основе реконструкции начала сбора на площади для оглашения катехизиса очень противоречивы, можно обозначить по крайней мере четыре временные датировки: 1) девять утра [7, с. 249]; 2) одиннадцать [18, с. 169]; 3) полдень [15, с. 102; 29, с. 232]; 4) между тринадцатью и четырнадцатью часами [31, с. 248]. Первый вариант вызывает серьезные сомнения, остальные допустимы в равной степени. Рассказывая об этом, священник подчеркивал, что был окружен вооруженными офицерами, поэтому он прочитал Царю небесный, Отче наш, тропарь и кондак полкового праздника. Следом «какой-то офицер, дав ему в руки писанную бумагу, которую он прежде никогда не видал и никогда не слышал, что именно в ней было написано, ибо тот или дру-

гой офицер, стоя за ним, читал наизусть оную, а он, будучи в так необыкновенном страхе, принужден был повторять ее, не помня, что в ней содержалось» [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 47об]. Далее в показаниях он снова указывает на всепоглощающее чувство тревоги и страха. Триггером, вызвавшим столь сильное, фактически аффективное состояние стал «православный катехизис».

По существу катехизис – это «программный документ» восстания Черниговского полка. Главной его целью была максимальная мобилизация внимания солдат и их эмоциональное вовлечение в происходящее. Оглашение документа должно было породить чувство воодушевления и утвердить уверенность в необходимости выступления, показать, что конституционный строй является единственной угодной Богу формой правления. Согласно О. И. Киянской, «под маской религиозного произведения здесь скрывается учение Жан-Жака Руссо о "естественных" человеческих правах и "общественном договоре"» [10, с. 69]. Но ожидания лидеров не оправдались, и сила слова не оказала существенного воздействия: «Les officiers saluaient ces passages par des cris de *Vive la liberté!* Mais dans le coeur du soldat, ce cri, qui ailleurs a enfanté des prodiges, n'avait point d'écho; il n'y avait point là de corde qu'il pût faire vibrer»². С. И. Муравьев-Апостол был вынужден мгновенно сменить тактику и указать на фигуру Константина Павловича как законного наследника, меняя артикуляции целей выступления фактически на ходу. Этот эпизод явственно демонстрирует, что солдатская масса не была готова и не могла воспринять либеральную риторику, даже облаченную в привычную для них форму.

Сообщения очевидцев свидетельствовали о колебаниях и сомнениях священника, который после длительных уговоров все же согласился провести богослужение и прочесть катехизис. Во время чтения документа Д. Ф. Кейзер так волновался, что голос его был тих и нетверд: «Немудрено, что священник дрожащим голосом начал читать этот катехизис. Бестужев взял у него и dokonчил чтение» [3, с. 197]. Довольно сложно просто представить себе подобный образ – такие мимические проявления плохо сочетаются с опытом и навыками священнослужителя. Они однозначно свидетельствуют, что в данной ситуации он вполне закономерно испытывал чувство страха. Совершаемое им действие было направлено против существующей власти. Он фактически участвовал в мятеже, который определялся как государственное преступление. Чрезвычайно важны эмоции случайных зрителей, простых обывателей, ставших свидетелями обозначенных событий. Н. Я. Эйдельман также писал об атмосфере коллективного страха [31, с. 248]. Тем не менее в источниках присутствуют и контрфактические примеры. В частности, поручик А. Терпиловский не испытывал никакого испуга и свидетельствовал о любопытстве. Увидев восставший полк, он подошел ближе, чтобы подробнее рассмотреть происходившее на городской площади [6, с. 295].

В. С. Иконников отмечал, что люди были охвачены паникой только при вступлении С. И. Муравьева-Апостола в город, т. к. предполагали, что начнутся кровавые расправы. После прочтения катехизиса «городские жители, теснившиеся вокруг полка, провожали солдат пожеланиями успеха» [8, с. 680]. То есть их чувства были диаметрально противоположны эмоциям страха, тревоги и безысходности. Вероятнее всего, это можно объяснить банальным бытовым любопытством и отсутствием интереса к политическому и общественному движению. Если говорить про выступление, то жителей Василькова в большей степени волновали возможные последствия, которые могли бы чрезвычайно негативным образом отразиться на их повседневной жизни, повлиять на стабильность и финансовое положение. Одним словом, поведение васильковцев диктовалось исключительно восприятием происходящего в контексте нормативных представлений о благополучии.

Отметим, что целый компендиум первоначальных свидетельств указывал на С. И. Муравьева-Апостола как человека, прочитавшего «православный катехизис» перед собравшимися на площади. В качестве примера можно привести такие сообщения. Васильковский поветовой стряпчий рапортовал: «...подполковником Муравьевым <...> и, прочитав им какой-то катехизис особенного сочинения, по отслужении полковым священником молебна из города Василькова выступил» [6, с. 29]. Киевский гражданский губернатор Ковалев говорил: «Муравьев-Апостол 31-го декабря, собрав предводительствуемые им роты Черниговского пехотного полка в городе Василькове к своей квартире, читал им пред выступлением оттуда бумагу под названием: Православный Катехизис» [Там же, с. 41]. Васильковский городничий писал: «подполковником Муравьевым... в два часа пополудни, по барабанному бою собравши роты пред свою квартиру и прочитав им какой-то православный катехизис

² «Офицеры встретили эти слова криками: "Да здравствует свобода!" Но в душе солдата этот оклик, рождавший чудеса где-то еще, не имел эха; там не было струны, которую он мог бы затронуть» [34, р. 26] – пер. с фр. М. С. Белоусов, Т. В. Лебенкова.

особенного сочинения» [Там же, с. 43]. Земский исправник Киевского повета сообщал: «Муравьев читал им бумагу, под названием: Православный Катехизис» [Там же, с. 46].

Лишь впоследствии стала проявляться фигура полкового священника, первоначально в обезличенной форме. Это можно объяснить тем, что главным символом и лидером восстания являлся С. И. Муравьев-Апостол. Следовательно, он воспринимался как наиболее опасный, как олицетворявший собой отравляющий «яд либерализма», и, таким образом, именно из его уст должен был звучать призыв к мятежу. Более того, декабрист являлся представителем известного дворянского рода, сыном сенатора, а Д. Ф. Кейзер – самым обыкновенным приходским священником. Разве он мог казаться вершителем истории? Итак, отметим, что первоначально в рапортах о произошедших событиях представитель клира считался второстепенной фигурой, а его действия не квалифицировались как государственное преступление.

На следующий день полк покинул Васильков. С. И. Муравьев-Апостол приказал церковнослужителю следовать за восставшими. Священник, под предлогом просьбы приготовить семейство к выступлению, попросил отсрочки и получил разрешение догнать полк в местечке Бышев. Тем не менее, он остался в Василькове. В это время Д. Ф. Кейзер жил в постоянном эмоциональном напряжении и страхе. Паника достигла таких масштабов, что он старался не находиться дома: «...боясь Муравьева-Апостола, не ночевал как ту ночь, так и последующие две на своей квартире, оставляя меня на одной, днем же всегда ходил около полковой церкви; в квартире же своей бывал очень редко и тайно» [Там же, с. 296]. То есть Кейзер находился в тревожном состоянии, опасаясь возвращения подполковника мятежного полка в город. Чего же он так боялся? Вероятнее всего, наказания за то, что не последовал за вышедшими из Василькова ротами. Следовательно, в данном случае эмоция страха приобретает другой аспект – церковнослужитель боится гнева со стороны бунтовщиков. Явно прослеживается второй, диаметрально противоположный полюс источника возникновения фобии. Чтобы объяснить феномен страха Д. Ф. Кейзера, стоит обратить внимание на положение сельских священников в Российской империи.

Духовенство представляло собой закрытую социальную группу, где, как правило, большую роль играл наследственный принцип. Дети священников вполне закономерно получали религиозное образование, которое, однако, не гарантировало успешную жизнь и безбедное существование. Хороший приход можно было получить в большинстве случаев исключительно благодаря кумовству. Даже ученики, имеющие наилучшие оценки, не могли рассчитывать на удачное место. Но и посредственные, т. е. не самые худшие, приходы также оставались недостижимыми для талантливых, но бедных молодых людей. За назначение в такие приходы требовалось заплатить определенную сумму, которой они чаще всего не располагали.

Вместе с тем служение Богу, как бы странно это ни звучало, было сопряжено со многими трудностями. Прежде всего, финансовыми, потому что доход священников находился в прямой зависимости от прихода и помещика, платившего денежную и хлебную ругу. Зачастую они вынуждены были обрабатывать землю, чтобы прокормить семью, т. е. заниматься тяжелой физической работой, отнимающей время и энергию, необходимые для духовных дел. Это влекло за собой опустошение, уныние, эмоциональное выгорание и нежелание служителей алтаря исполнять свои обязанности с максимальным рвением. Достаточно часто священнослужители были заняты исполнением платных треб. Преобладание материального над духовным можно усмотреть и в сложившихся повседневных традициях. Священник в праздничные дни обходил дворы для сбора подаяний, а также пополнял «скудный бюджет за счет кружечных, тарелочных и кошелековых сборов, во время богослужения» [11, с. 28]. Словом, представителям церкви, являющимся религиозной опорой государственной власти, приходилось протягивать руку для «милостыни».

И, наконец, священник должен был быть «своим» для каждой группы лиц, составляющих приход: для крестьян – мужиком, для дворян – баринком, для купцов – торговцем [19, с. 8–19] и т. д. С одной стороны, он терял независимость личности и вынужденно подстраивался под всех окружающих, адаптируя свои психические реакции в зависимости от собеседника. Исчезала индивидуальность, уступая место многоликости и лицемерию. С другой стороны, как пишет Б. Н. Миронов, «любого священника прихожане могли заставить бедствовать, дискредитировать и в конечном итоге выжить из прихода» [14, с. 74]. Кроме того, «всякий наезжавший в село чиновник мог беззастенчиво обирать его [священника] и рукоприкладствовать» [28, с. 42].

Таким образом, положение приходского духовенства в Российской империи представлялось весьма тяжелым. Постоянными спутниками представителей клира являлись безденежье и зависимость от прихожан. То есть социальное положение представителей церкви явно не соответствовало уровню их образования. Вынужденное постоянное лавирование между различными группами населения и необходимость исполнения множества социальных ролей порождали не самые лицеприятные черты характера, в частности боязнь ответственности и неуверенность в своих действиях. И, следовательно, поведение Д. Ф. Кейзера было вполне характерным поведением представителя бедного приходского духовенства.

Однако не только его охватила паника во время выступления Черниговского полка: «по выходе солдат из города, жителями снова овладел страх; никто не хотел принимать приезжающих к себе на квартиру, а местное начальство стало следить за всеми подозрительными людьми» [8, с. 680–681]. С одной стороны, местные жители, через поселения которых проходил Черниговский полк, охотно снабжали его всем необходимым. С другой стороны, когда неудача выступления была уже очевидна, крестьяне с немалым усердием помогали уже правительственным войскам. Для простых крестьян были абсолютно неважны цели и замыслы восставших, поднявшихся, в том числе, против крепостного права. Сельские обыватели жили настоящим, а не гипотетически возможным будущим.

Не стоит подобную индифферентность приписывать исключительно крестьянству. В контексте нашей темы обращают на себя внимание воспоминания Г. И. Филипсона об этих весьма неординарных событиях. Мы находим сообщение, что известие о смерти Александра I не произвело на него никакого впечатления, что «...едва ли даже я спросил: кто вступает на престол? Оказалось, что это великий князь Константин Павлович» [4, с. 99]. Переприсяга Николаю Павловичу также не вызвала волнений – «Приказано присягнуть Николаю Павловичу... Ну и присягнули» [4, с. 99], – лишь спровоцировало изумление, удивление и сомнение. По сути, генерал обрисовывает следующую картину восприятия событий ноября–декабря 1825 г. Константин Павлович объявлен законным правителем Российской империи – офицеры поклялись служить государю. Поступило сообщение, что новым императором стал Николай Павлович – армия безропотно принесла присягу ему. Большинство подданных Российской империи заботились лишь о своих собственных проблемах, политические события не представляли для них первостепенного интереса, соответственно и события Междуцарствия воспринимались ими весьма спокойно и отстраненно. Носителями гипертрофированной политизированности была достаточно узкая прослойка, вступившая в поединок в дни междуцарствия за престол и/или конституцию.

Возвращаясь к Д. Ф. Кейзеру, отметим, что Святейший Синод не счел его объяснения достаточными и аподиктическими, вследствие чего священнику было выдвинуто обвинение. Оно строилось на показаниях свидетелей, которыми выступили причетники Д. Красков и И. Ахлестин. В общем и целом, их показания построены одинаково, речевые обороты также очень схожи. Создается впечатление, что церковники стремились оградить себя от неприятностей. Например: «...во время вступления в Васильков Муравьева-Апостола с двумя бунтующими ротами, оба они были в своих квартирах и о вступлении его ничего не знали» [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 42]. При этом среди жителей Василькова присутствовали и другие свидетельства: «...видел Муравьева с ротами солдат с шумом пьяных, разнообразно одетых» [6, с. 283].

Какое же из этих сообщений более релевантно? Прежде всего, отметим, что невозможно представить, чтобы военные, с шумом вошедшие в город, остались незамеченными местными жителями. Васильков не очень большой населенный пункт, а значит, слухи там распространялись молниеносно. В течение максимально короткого промежутка времени в каждом доме должны были узнать о случившемся. Кроме того, бросается в глаза и другое противоречие. Так, И. Ахлестин указывал, что при совершении богослужения на площади участвовали все трое, Д. Красков свидетельствовал, что «...священник и другой церковник, Иван Ахлестин, пропели...» [Там же, с. 296]. Здесь вполне понятно желание человека, попавшего в неприятную ситуацию, максимально себя обезопасить. Более того, по поводу катехизиса они давали следствию показания, что не поняли и не помнят его содержания. Единственное, что запечатлела их память, – «что Царям земным быть недолжно и поминать их в Церквах велят единственно для обмана народа» [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 43–43об]. При этом рядовой Дмитрий Грохольский сообщал, что из всей совокупности воспринял единственно призыв к необходимости ополчиться; рядовой И. Ракуза заявлял: «Когда читали солдатам катехизис, я слышал, но содержания онаго не упомню. Нижние чины едва ли могли слышать читаное» [5, с. 311]. Вновь мы

видим избирательное потребление информации. Вероятнее всего, солдаты запомнили утверждения, наиболее поразившие их.

До начала широкомасштабного следственного процесса священник написал рапорт майору С. С. Трухину. В нем он объяснял, что по причине отсутствия защиты вынужден был явиться к С. И. Муравьеву-Апостолу, но ни присяги, ни службы (!) не было, только читал что-то, но поскольку находился в состоянии большой тревоги, то ничего не помнит [23, ф. 796, оп. 209, д. 525, л. 40об–41]. Можно было бы предположить, что он умышленно искажил информацию. С какой целью человеку, уверенному в правомерности своих деяний, утаивать или изменять информацию? Зарубежное общество было однозначно в своих оценках: «...comme une preuve nouvelle de la dégradation profonde où se trouve en Russie le bas-clergé, connu pour sa cupidité, son ivrognerie et son esprit servile»³. Сколь незавиден образ священнослужителя в Российской империи... Документооборот Святейшего Синода подтверждает противоправные, непристойные поступки представителей клира [21, ф. 796, оп. 209, д. 520, л. 51–59, 65–68об, 102–102об, 113–114об; 22, ф. 796, оп. 209, д. 521, л. 4–6, 17–18, 52–61, 74–77, 144–158об, 468–470]. В качестве примера можно привести слова из работы И. С. Беллюстина, в которой отмечается чрезвычайно неблагоприятное, задавленное состояние церковнослужителей: «Вы хотите, чтобы хорошо было духовенство, когда сквозь пальцы смотрят на то, что он притязает, пьет и т. п., и лишь одно не позволяют иерею, чтобы он был умным и мыслящим...» [2, с. 68].

Возвращаясь к нашему протагонисту, представляется, что Д. Ф. Кейзер был «декабристом поневоле». Вероятнее всего, между ним и С. И. Муравьевым-Апостолом существовала договоренность на проведение молебна за денежное вознаграждение. Чтение «православного катехизиса», скрывающего под религиозной маской вполне политическое содержание, было для священника подобно грому среди ясного неба. За это он понес тяжкое наказание. По решению Синода его лишили сана и исключили из духовного ведомства. Затем все материалы для дальнейшего разбирательства поступили в Киевское губернское правление, и церковнослужителя лишили дворянства, а военный суд постановил отправить его на службу в качестве простого солдата. Однако Николай I распорядился отправить священника в рабочие арестантские роты Бобруйской крепости. Впоследствии по состоянию здоровья его перевели в богоугодное заведение Смоленска.

При вступлении на престол Александр II оставшимся в живых декабристам даровал помилование и разрешение вернуться в европейскую часть России. Д. Ф. Кейзер помилования не получил, т. к. его запросу не оказалось в списках, которыми располагало III отделение. В 1856 г. при посредничестве военного министра он обратился к императору Александру II с просьбой о восстановлении в священническом сане и предоставлении денежного пособия. Лишь спустя два года данная просьба была частично удовлетворена. При проведении проверки оказалось, что «III отделение не знало даже о наказании, наложенном на Кейзера, а потому он не был включен в именные списки, по которым были исходатайствованы милости декабристам ко дню коронации Александра II» [30, с. 80]. Возникает закономерный вопрос: почему он, осужденный за пособничество декабристам, оказался за пределами их круга, хотя понес не меньшее наказание? Вероятнее всего, в глазах политического истеблишмента фигура священника не ассоциировалась с движением молодых офицеров. Кроме того, нельзя упускать из виду и в целом положение низшего духовенства Российской империи.

Говоря об эмоциональной стороне истории Д. Ф. Кейзера, можно утверждать, что во время вступления Черниговского полка у него формируются три основные эмоциональные плоскости, обусловленные чувством страха. Первая – это боязнь репрессий со стороны законной власти после прочтения антиправительственного катехизиса; вторая – беспокойство в связи с гипотетически возможным наказанием со стороны бунтовщиков за отказ от повиновения; и третья – желание наживы, или, выражаясь нейтрально, беспокойство за будущее своей семьи. После ухода Черниговского полка из города он был настолько встревожен, подвержен панике, что не мог ночевать в собственном доме. В рапорте начальству церковнослужитель скрывал истинный ход событий. Однако в ходе следственного процесса, когда стало невозможным отрицать свое участие, он преподносил информацию в выгодном для себя свете: его заставили, применяли моральное давление демонстративными угрозами холодным оружием и т. д. и т. п.

³ «Как новое доказательство глубокой деградации, в которой в России находится низшее духовенство, известное своей алчностью, пьянством и рабским духом» [34, р. 25] — пер. с фр. М. С. Белоусов, Т. В. Лебенкова.

Подведем основные итоги. Васильковский эпизод демонстрирует нам два интересных паттерна из области эмоциональной истории. С. И. Муравьев-Апостол, следуя логике об определяющей роли духовенства, для свершения мятежа привлек священника, в его руки вложил революционную программу, оформленную в традиционный религиозный документ. Он априорно устанавливал взаимосвязь между выступлением священника с катехизисом и чувственной вовлеченностью солдат и других наблюдателей. Но расчет декабриста оказался ошибочным: ни фигура священника, ни озвученный текст никакого впечатления не произвели. Другой образец – это страхи Д. Ф. Кейзера: страх отказать офицеру, страх участвовать в бунте, страх наказания... Эти эмоциональные ряды также допустимо поместить в перечень нормативных. Для солдат, крестьян, низшего духовенства ситуация офицерского принуждения или наказания властью являлась вполне естественной. Ошибочность априорного ожидания воодушевления С. И. Муравьевым-Апостолом в купе с predeterminedными российской действительностью страхами священника Д. Ф. Кейзера явственно раскрывают место православия и общественный статус клира в реалиях глухой российской провинции. Революционная вспышка лишь помогает нам увидеть это наглядно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Базилевич В. М.* Восстание Черниговского полка // Из эпохи борьбы с царизмом. 1926. № 5. С. 39–54.
2. *Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin: A. Asher et Co; Paris: A. Franck; London: Trübner & Co., 1858. Vol. IV. 166 с.
3. *Вадковский Ф. Ф.* Белая Церковь // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 1. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. С. 192–204.
4. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона (Начаты в июле 1873). I. До 1837 // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1883. Вып. 5. С. 73–200.
5. Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 4. М.; Л.: Наука, 1927. 486 с.
6. Восстание декабристов: Материалы по истории восстания декабристов. Т. 6. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 406 с.
7. *Горбачевский И. И.* Записки // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 165–312.
8. *Иконников В. С.* Крестьянское движение в Киевской губ. в 1826–1827 гг. в связи с событиями того времени (по архивным материалам) // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1908. С. 657–742.
9. *Карацуба И. В.* «Православный катехизис» С. И. Муравьева-Апостола: комментарий // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. С. 460–476.
10. *Киянская О. И.* Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка, 29 декабря 1825 г. – 3 января 1826. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1997. 190 с.
11. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М.: Новый хронограф, 2002. 253 с.
12. *Манойленко Ю. Е., Манойленко А. С.* Священник-декабрист // Родина. 2016. № 2. С. 106–109.
13. *Минаева Н. В.* К вопросу об идейных связях движения декабристов и испанской революции // Исторические записки. М., 1975. Т. 96: К 150-летию восстания декабристов. С. 60–78.
14. *Миронов Б. Н.* Жизненный уровень российского приходского православного духовенства в имперской России // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 1. С. 65–80.
15. *Нечкина М. В.* Восстание Черниговского полка (Схемат. карта движения восставшего Черниговского полка. В тексте стр. 105) // 100-летие восстания декабристов. М.: Издательство общества политкаторжан, 1928. С. 87–112.
16. *Нечкина М. В.* Движение декабристов. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 483 с.
17. *Покровский М. Н.* Декабристы. Сборник статей. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. 94 с.
18. *Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 121–185.
19. *Розанов А. И.* Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб.: Издание исторического журнала «Русская старина», 1882. 324 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 107. Д. 199.
21. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 209. Д. 520.
22. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 209. Д. 521.
23. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 209. Д. 525.
24. РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 209. Д. 526.

25. РГИА. Ф. 797. Канцелярия обер-прокурора Синода. Оп. 3. Д. 11041.
26. РГИА. Ф. 806. Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства. Оп. 16. Д. 1003.
27. Руликовский И. Восстание Черниговского полка // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т. 2. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. С. 373–428.
28. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
29. Цетлин М. Декабристы: судьба одного поколения. Париж: Издательство «Современные записки», 1933. 395 с.
30. Щеголев П. Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола (Из истории агитационной литературы декабристов) // Минувшие годы. 1908. № 11. С. 50–80.
31. Эйдельман Н. Я. Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М.: Издательство политической литературы, 1975. 391 с.
32. *Ojeda Roman F. D.* Riego “Heroe de Las Cabezas”. Sevilla: Ayuntamiento de Las Cabezas de San Juan, 1988. 237 p.
33. *Rosenwein B. H.* Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*. 2002. Vol. 107, no. 3. P. 821–845.
34. *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. Т. II. Paris: J. Renouard, 1847. 523 p.
35. *Stites R.* Decembrists with a Spanish accent // *Kritika-explorations in Russian and Eurasian history*. 2011. Vol. 12, iss. 1. P. 5–23.

Поступила в редакцию 20.04.2022

Белоусов Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры Истории России с древнейших времен до начала XX века
E-mail: m.s.belousov@gmail.com

Лебенкова Татьяна Васильевна, лаборант-исследователь
кафедры Истории России с древнейших времен до начала XX века
E-mail: t.v.lebenkova@gmail.com

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

M.S. Belousov, T.V. Lebenkova

FEAR AND HATE IN VASYLKOV: UPRISING OF THE CHERNIGOV REGIMENT THROUGH THE PRISM OF THE HISTORY OF EMOTIONS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1168-1179

The proposed article discusses the story of the uprising of the Chernigov regiment through the prism of the history of emotions. The authors show how S.I. Muravyov-Apostol and M.P. Bestuzhev-Ryumin tried to influence the feelings and experiences of the soldiers, dressing the revolutionary program and the call to rebellion in the form of a traditional religious document, the fate of voicing which fell to the lot of regimental priest D.F. Keyser. Subsequently, speaking about this fleeting participation in the rebellion, he presented to the members of the Holy Synod an apocalyptic picture of the experiences that gripped him. In this system of fears, three main emotional planes can be distinguished. The first is the fear of reprisals from the legitimate authorities after reading the anti-government catechism; the second is anxiety in connection with the hypothetically possible punishment on the part of the rebels for refusing to obey; and the third is concerned with the future of relatives and friends. The emotional context of soldiers' perception of D.F. Keyser's speech, on the one hand, and the reaction of the clergyman himself to what happened, on the other hand, present an interesting case related to the problem of the role and significance of Orthodoxy in the realities of a remote Russian province.

Keywords: revolt of the Chernigov regiment, Decembrist movement, interregnum, D.F. Keyser, M.P. Bestuzhev-Ryumin, S.I. Muraviev-Apostle, Orthodox catechism.

REFERENCES

1. *Bazilevich V. M.* Vosstanie Chernigovskogo polka [The uprising of the Chernigov regiment]. *Iz epokhi bor'by s tsarizmom* [From the era of the struggle against tsarism], 1926. no. 5, pp. 39–54. (In Russian).
2. *Belliustin I. S.* Opisanie sel'skogo dukhovenstva [Description of the rural clergy]. *Russkii zagranichnyi sbornik* [Russian foreign collection]. Berlin, “A. Asher et Co” Publ.; Paris, “A. Franck” Publ.; London, “Trübner & Co.” Publ., 1858, vol. IV, 166 p. (In Russian).

3. *Vadkovskii F. F.* Belaia Tserkov' [White church]. Vospominaniia i rasskazy deiatelei tainykh obshchestv 1820-kh godov [Memoirs and stories of leaders of secret societies of the 1820s]. Т. 1. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles, 1931, pp. 192–204. (In Russian).
4. Vospominaniia Grigoriia Ivanovicha Filipsona (Nachaty v iiule 1873 i do 1837) [Memoirs of Grigory Ivanovich Philipson (Started in July 1873 i until 1837)]. Russkii arhiv. Istoriko-literaturnyi sbornik [Russian archive. Historical and literary collection], 1883, iss. 5, pp. 73–200. (In Russian).
5. Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniia dekabristov [Decembrist uprising: Materials on the history of the Decembrist uprising], vol. 4. Moscow; Leningrad, "Nauka" Publ., 1927, 486 p. (In Russian).
6. Vosstanie dekabristov: Materialy po istorii vosstaniia dekabristov [Decembrist uprising: Materials on the history of the Decembrist uprising], vol. 6. Moscow; Leningrad, "Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 1929, 406 p. (In Russian).
7. *Gorbachevskii I. I.* Zapiski [Notes]. Memuary dekabristov [Memoirs of the Decembrists]. Moscow, "Pravda" Publ., 1988, pp. 165–312. (In Russian).
8. *Ikonnikov V. S.* Krest'ianskoe dvizhenie v Kievskoi gub. v 1826–1827 gg. v sviazi s sobytiami togo vremeni (po arkhivnym materialam) [Peasant movement in the Kyiv region. in 1826–1827 in connection with the events of that time (based on archival materials)]. Sbornik statei, posviashchennykh pochitateliami akademiku i zasluzhennomu professoru V.I. Lamanskomu po sluchaiu piatidesiatiletiia ego uchenoi deiatel'nosti [Collection of articles dedicated by admirers to Academician and Honored Professor V.I. Lamansky on the occasion of the fiftieth anniversary of his scientific activity], part 2. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1908, pp. 657–742. (In Russian).
9. *Karatsuba I. V.* "Pravoslavnyi katekhizis" S. I. Murav'eva-Apostola: kommentarii ["Orthodox catechism" by S. I. Muravyov-Apostol: commentary]. Dekabristy: aktual'nye problemy i novye podkhody [Decembrists: actual problems and new approaches.]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2008, pp. 460–476. (In Russian).
10. *Kiianskaia O. I.* Iuzhnyi bunt: Vosstanie Chernigovskogo pekhotnogo polka, 29 dekabria 1825 g. — 3 ianvaria 1826 [Southern rebellion: The uprising of the Chernigov infantry regiment, December 29, 1825 - January 3, 1826]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1997, 190 p. (In Russian).
11. *Leont'eva T. G.* Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Faith and Progress: Orthodox Rural Clergy in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries]. Moscow, "New Chronograph" Publ., 2002, 253 p. (In Russian).
12. *Manoilenko Iu. E., Manoilenko A. S.* Sviashchennik-dekabrist [Priest-Decembrist]. Rodina [Motherland], 2016, no. 2, pp. 106–109. (In Russian).
13. *Minaeva N. V.* K voprosu ob ideinykh svyaziakh dvizheniia dekabristov i ispanskoi revoliutsii [To the question of the ideological connections of the Decembrist movement and the Spanish revolution]. Istoricheskie zapiski. Vyp. 96: K 150-letiiu vosstaniia dekabristov [Historical Notes, vol. 96: On the 150th anniversary of the Decembrist uprising]. Moscow, [n. a.], 1975, pp. 60–78. (In Russian).
14. *Mironov B. N.* Zhiznennyi uroven' rossiiskogo prikhodskogo pravoslavnogo dukhovenstva v imperskoi Rossii [The standard of living of the Russian parish Orthodox clergy in imperial Russia]. Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniia [Historical journal: scientific research], 2015, no. 1, pp. 65–80. (In Russian).
15. *Nechkina M. V.* Vosstanie Chernigovskogo polka (Skhemat. karta dvizheniia vosstavshogo Chernigovskogo polka. V tekste str. 105) [The uprising of the Chernigov regiment (Schematic map of the movement of the insurgent Chernigov regiment. In the text, p. 105)]. 100-letie vosstaniia dekabristov [100th anniversary of the Decembrist uprising]. Moscow, Publishing House of the Society of Political Prisoners, 1928, pp. 87–112. (In Russian).
16. *Nechkina M. V.* Dvizhenie dekabristov [Movement of the Decembrists]. Vol. 1. Moscow, Ed. of the Academy of Sciences of the USSR, 1955, 483 p. (In Russian).
17. *Pokrovskii M. N.* Dekabristy. Sbornik statei [Decembrists. Digest of articles]. Moscow; Leningrad, State publishing house, 1927, 94 p. (In Russian).
18. *Porokh I. V.* Vosstanie Chernigovskogo polka [Rebellion of the Chernigov Regiment]. Ocherki iz istorii dvizheniia dekabristov [Essays from the history of the Decembrist movement]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1954, pp. 121–185. (In Russian).
19. *Rozanov A. I.* Zapiski sel'skogo sviashchennika. Byt i nuzhdy pravoslavnogo dukhovenstva [Notes of a village priest. Life and needs of the Orthodox clergy]. St. Petersburg, Ed. of the historical journal "Russian Starina", 1882, 324 p. (In Russian).
20. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 796. Kancelyariia Sinoda [Chancellery of the Synod]. Op. 107. D. 199. (in Russian, unpublished).
21. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 796. Kancelyariia Sinoda [Chancellery of the Synod]. Op. 209. D. 520. (in Russian, unpublished).
22. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 796. Kancelyariia Sinoda [Chancellery of the Synod]. Op. 209. D. 521. (in Russian, unpublished).
23. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 796. Kancelyariia Sinoda [Chancellery of the Synod]. Op. 209. D. 525. (in Russian, unpublished).

24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 796. Kancelyariia Sinoda [Chancellery of the Synod]. Op. 209. D. 526. (in Russian, unpublished).
25. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 797. Kancelyariia ober-prokurora Sinoda [Chancellery of the Chief Procurator of the Synod]. Op. 3. D. 11041. (in Russian, unpublished).
26. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive]. F. 806. Dukhovnoe pravlenie pri protopresvitere voennogo i morskogo dukhovenstva [Ecclesiastical Board under the Protopresbyter of Military and Naval Clergy]. Op. 16. D. 1003. (in Russian, unpublished).
27. *Rulikovskii I.* Vosstanie Chernigovskogo polka [The uprising of the Chernigov regiment]. Vospominaniia i rasskazy deiatelei tainykh obshchestv 1820-kh godov [Memoirs and stories of leaders of secret societies of the 1820s]. Vol. 2. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles, 1933, pp. 373–428. (In Russian).
28. *Fedorov V. A.* Russkaia pravoslavnaia tserkov' i gosudarstvo. Sinodal'nyi period (1700–1917) [Russian Orthodox Church and State. Synodal period (1700–1917)]. Moscow, “Russian Panorama” Publ., 2003, 480 p. (In Russian).
29. *Tsetlin M.* Dekabristy: sud'ba odnogo pokoleniia [Decembrists: the fate of one generation]. Paris, “Sovremennye Zapiski” Publ., 1933, 395 p. (In Russian).
30. *Shchegolev P. E.* Katekhizis Sergeia Murav'eva-Apostola (Iz istorii agitatsionnoi literatury dekabristov) [Catechism of Sergei Muravyov-Apostol (From the history of propaganda literature of the Decembrists)]. *Minuvshie gody* [Past Years], 1908, no. 11, pp. 50–80. (In Russian).
31. *Eidel'man N. Ia.* Apostol Sergeia. Povest' o Sergee Murav'eve-Apostole [Apostle Sergei. The Tale of Sergei Muravyov the Apostle]. Moscow, Publishing house of political literature, 1975, 391 p. (In Russian).
32. *Ojeda Roman F. D.* Riego “Heroe de Las Cabezas”. Sevilla: Ayuntamiento de Las Cabezas de San Juan, 1988. 237 p. (In Spanish).
33. *Rosenwein B. H.* Worrying about Emotions in History // *The American Historical Review*, 2002, vol. 107, no. 3, pp. 821–845. (In English).
34. *Schnitzler J. H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825. T. II. Paris, J. Renouard, 1847, 523 p. (In French).
35. *Stites R.* Decembrists with a Spanish accent // *Kritika-explorations in Russian and Eurasian history*. 2011, vol. 12, iss. 1, pp. 5–23. (In English).

Received 20.04.2022

Belousov M.S., Candidate of History, Associate Professor
at Department of History of Russia from ancient times to the beginning of the 20th century
E-mail: m.s.belousov@gmail.com

Lebenkova T.V., Laboratory Researcher
at the Department of History of Russia from ancient times to the beginning of the 20th century
E-mail: t.v.lebenkova@gmail.com

Saint Petersburg State University
Universitetskaya emb., 7–9, St. Petersburg, Russia, 199034